

Виктор Калитвянский

Собственная жена

16+

Виктор Калитвянский
Собственная жена

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Калитвянский В. И.

Собственная жена / В. И. Калитвянский — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Он любил двух женщин: жену и дочь. Вся его жизнь была в том, чтобы сделать их счастливыми. Но жена не любила его, а дочка уехала учиться в Лондон. Жена изменяла ему даже с его начальником, и он нанял киллера, чтобы убить её...

© Калитвянский В. И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Знаете ли вы, кто такие «эринии»?

Я не удивлюсь, если даже культурный человек пожмёт плечами да и ответит, что слыхом не слыхивал об «эриниях».

Понятное дело, кому сегодня интересны какие-то богини судьбы, изобретенные коллективным гением древних греков?

Современному человеку на перевале веков – какое дело ему до того, что в одном из греческих мифов жена подбила любовника отправить супруга в царство мертвых?..

Убиенный муж был героем Троянской войны, каким-то царём.

Забавно, что и в легендарные времена нравы были всё те же: муж возвращается домой с войны, а у жены – любовник. Жена организует убийство собственного мужа, а сын, в намерении постоять за честь отца-героя, проделывает то же самое с матерью.

Кстати, вы можете мне объяснить, отчего у нас так повелось: называть жену собственной? Талдычим да талдычим: собственная жена, собственный муж... А кто-нибудь задумался по-настоящему: что это такое? Жена – она что – твоя собственность? Или часть тебя? Или что-то такое, что можно беречь и холить, а можно – коли так вышло – отрезать безжалостно, словно больной орган?.. Э, братцы, тут такая хитрая материя, что сразу и не сообразишь!..

Так вот, греки...

После всех этих преступлений виновники – то есть жена и сынок – попадают на суд к богиням судьбы эриниям, и те начинают судить. (О любовнике речь не идёт, потому как – законы крови. А любовник – что? – им всегда любовница вертит.)

Эринии судят, как положено, – по закону. То есть, по их древнему греческому закону. Взвешивают, как говорится, на весах правосудия.

И на этом допотопном суде выясняется, что грех сына гораздо тяжелее, нежели преступление жены.

Помню, меня это поразило.

Оба убийцы, но один, то есть одна, – виновна меньше.

Вы понимаете – почему?

Вот-вот, если крепко призадуматься, становится понятным – почему. Кровь, господа, беспощадный закон крови!

Сын ведь убил свою мать, своё единокровное существо, а она уколошила всего лишь чужого мужчину, пусть он тридцать три раза её муж и отец её детей.

Чужой – и всё тут. А вы говорите, собственная жена...

Впервые я прочел это странное слово – эринии – в письме моей дочери.

Она тогда начала учиться в Англии в юридическом колледже. Она была в восторге, в восхищенье – от страны, от лица, от студентов, от преподавателей, от всего, что окружало её в этом новом мире, – и следы этого восхищенья-упоенья были рассыпаны по письмам, которые она присылала еженедельно по Интернету.

Теперь, когда я сижу в следственном изоляторе по вздорному обвинению в убийстве собственной жены, – я часто думаю, что это слово – эринии – появилось в дочкином письме из Лондона совсем не случайно, тут был какой-то намек судьбы, да я его не сумел понять...

Когда я думаю о своей жизни, когда я смотрю на своё прошлое с нынешней моей высоты, я всё-таки не понимаю многого, очень многого.

В школе я учился прилежно, однако до диплома с отличием не хватило пустяка.

В университете я просиживал лекции на передней скамье, мозоля глаза профессорам, зубрил конспекты, однако тянул только на середняка.

Каждый шаг в моей карьере давался мне с большим трудом. Правда, до поры о времени я не понимал этой своей особенности, – добиваться всего упорным трудом. Я считал это нормой, я полагал, что жизнь даётся нелегко всем.

Мне открыла глаза моя собственная жена.

Ну вот, опять. Как легко срывается у нас с языка: собственный муж, собственная жена... Разве чужой живой человек – наша собственность?

Вот, примеру, моя жена. Говоря откровенно – мы с ней разные люди. Она личность яркая, натура энергическая. Иной раз я спрашиваю себя: и как это мне в молодости удалось заполнить её?

И вот моя собственная... в общем, именно моя жена постаралась, чтобы я не заблуждался на свой счет.

Вся моя молодость прошла как в бреду, в тумане, в этих финансовых канцеляриях, день за днём, месяц за месяцем, год за годом – в борьбе за кусок хлеба для моих девочек, жены и дочки.

Какая-то ясность настоящего, какие-то осмысленные впечатления начали проступать лишь в девяностые годы, когда появились небольшие деньги, когда начали выбираться из нищеты, позволять себе мелкие радости жизни в виде красивых вещей или поездок на море. Я имею в виду девочек – жену и дочку. Я на море так и не побывал. Да и на что оно мне – море? Можно прожить и без него. Лишь бы девочкам было хорошо. Мне самому – много ли мне надо?

Тогда-то и начались эти её колкости, эти подначки – прямо мне в лицо.

Все обычно происходило так.

Я прихожу с работы. Жена на кухне, молчит, курит, смотрит на меня каким-то чужим взглядом, а потом говорит.

Ну, например:

«Ты, по-видимому, и есть то самое молчаливое большинство, которое определяет нашу жизнь...».

Или:

«И как это ты сумел заставить всю контору жить в своём ритме? Ведь есть же у вас эмоциональные, энергичные люди?...»

Жена всю жизнь занималась историей искусства. Всякие, знаете ли, рококо, озёрная школа или какой-нибудь экспрессионизм. Ей было невдомёк, что и в сухой бухгалтерии-экономике может быть своя поэзия. И такой вот чувствительной, тонкой натуре – уютно ли в наши торгашеские времена? Библиотека, лампа, фолиант, художественное полотно, а вокруг – этот развал, эта барахолка, эта унижительная зарплата в музее – на одну ходку в магазин.

Она говорила мне, что вот-де, наступили твои времена. Теперь, мол, и ты, наверное, в рост пойдешь – копеечка к копеечке, рублик к рублику, баксик к баксику. А там, глядишь, и выдрался в новые русские. Вернее, в подручные новых русских.

У неё такое и было представление об нынешних воротилах-олигархах, что они навроде бальзаковского папаши Горио или пушкинского Скупого – над золотом чахнут. Откуда ей знать, что нынешние – скорее растиньяки с дипломом магистра делового администрирования.

А я – какой ни на есть – приносил деньги, пусть невеликие по нынешним меркам, но – жить можно. Приносил каждый месяц – и клал в бюро, в третий ящик, там всегда лежали наши деньги. Жена даже не спрашивала о деньгах. Это было ниже её достоинства. Она прямо брала из бюро, а я должен был позаботиться, чтобы ящик не пустовал.

Я всё время думаю: как это мне удалось её заполучить тогда, двадцать лет назад, в молодости? Ведь взял я чем-то её, как-то покорил, привлёк, завлёл?.. Это потом, через пять, десять лет возникли эти разочарованные вздохи в постели, после близости. Отвернётся, бывало, словно её обидели, а когда я снова приступаю к ней, – усмехнется, и смотрит эдак, – мол, ну чего тебе надобно, букашечка?..

Тёплые нотки появлялись в её голосе и манере только – если касалось дочки.

Всё началось (или – закончилось) с дочкиного юридического колледжа.

Они – жена и дочь – вычитали об этом лондонском колледже в брошюрке по изучению английского языка. Условия были такие: конкурс рефератов о культуре Англии. То есть – всего лишь написать хорошее сочинение. А в этом с нашей девочкой мало кто мог сравниться. Ну и нужны были какие-то небольшие деньги.

Так жена и сказала – небольшие.

Они, девочки, вначале отнеслись к этой затее как к игре: а вот получится или нет? Сможем – или нет? Хуже мы других? Или лучше?

И всё получилось.

Дочка вошла в десятку лучших по реферату, выдержала конкурс. Теперь оставалось заплатить деньги, и моя дочь будет учиться в Лондоне. Мог ли я когда-нибудь при социализме помыслить об этом?

Игра моих девочек неожиданно привела к успеху. Нужно было всего лишь заплатить деньги.

Небольшие, по мнению жены.

Десять тысяч долларов. Сразу. И потом – по пять за каждый год обучения из двух.

Но я-то отчётливо понимал, что двадцать тысяч баксов, которые казались издали не очень-то большими деньгами, – для нас деньги огромные, немислимые. Собственно говоря, таких денег я никогда в руках не держал.

Денег таких у нас не было.

Конечно, я отложил немного, скрывая это от девочек. Бог свидетель, я откладывал не для себя. Я копил для будущего. На дочкину свадьбу. На дочкину квартиру. Я хотел, чтоб она была независима даже от самого разлюбимого мужа. Я никогда не думал, что придется платить за учебу, я рассчитывал, что она получит высшее образование бесплатно. Ведь дочка всегда легко успевала в школе.

Но как я ни откладывал, как ни экономил, мне удалось скопить – для них, и в тайне от них – всего лишь пять тысяч семьсот долларов.

И вот теперь они смотрели на меня – как-то странно. Конечно, вечная ирония жены не могла не влиять на дочку. В присутствии матери девочка иногда позволяла себе кое-какие вольности в духе материнских. Но она – добрая девочка, она меня любит, и всегда после очередной выходки прибегала ко мне и пыталась заглядить свою вину. И я, конечно, тут же всё прощал.

И вот они смотрели на меня со странным ожиданием. Они надеялись, что я как-то разрешу эту загвоздку с деньгами.

Ведь Лондон – так близок! Какие-то жалкие десять-двадцать тысяч – когда вся Москва полна легендами о миллионных заработках умных людей. Об этом постоянно твердила её двоюродная сестра. Муж сестры, бизнесмен, ездил на «мерседесе» и давал ей на карманные расходы по штуке баксов в месяц.

С одной стороны, жена презирала новых русских, этих безмозглых нуворишей – так принято было в её академическом кругу. Там все были образованные и гордые, но – бедные.

С другой стороны – как ей было устоять перед обаянием достатка, которое излучало семейство сестры. Жене, женщине, было нестерпимо жить, экономя каждую копейку – и сознавать, что дура-сестра может купить любую тряпку в любую секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.